

18+

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ИСАЕВ

КАЛИБРОВКА ЦИНИЗМА

Владимир Исаев

Калибровка цинизма

«Издательские решения»

Исаев В. Ю.

Калибровка цинизма / В. Ю. Исаев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Стилъ Владимира Исаева — смесь бытового цинизма,
метафизической тоски и сложной интеллектуальной эквилибристики.
Сборный образ современной сетевой метафизической прозы, тяготеющей
к мрачному экзистенциализму, пелевинщине и бытовому мистицизму.
Владимир Исаев — мастер мрачной, вязкой, метафизической прозы, где
реальность крошится, как сухой хлеб, обнажая под собой шестеренки
кошмарных механизмов.

© Исаев В. Ю.

© Издательские решения

Содержание

Калибровка цинизма	6
Калибровка цинизма	7
Буква «р»	17
Глава 1	17
Глава 2	19
Глава 3	20
Глава 4	22
Патч Просветления	24
Глава 1	24
Глава 2	28
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Калибровка цинизма

Владимир Юрьевич Исаев

© Владимир Юрьевич Исаев, 2026

ISBN 978-5-0071-2160-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Калибровка цинизма

Калибровка цинизма

Москва, время — плюс пятнадцать лет от сегодня. Или минус. Разницы уже никто не помнит.

Он проснулся от того, что телефон сам одобрил кредит.

Это было не уведомление, не запрос, не предупреждение. Просто экран моргнул зелёным, и в приложении банка появилась строчка: «Спасибо за доверие. 470 000 рублей переведены в фонд „С чистым сердцем“. Ваш вклад в искоренение несчастного одиночества важен для нас».

— Какого... — начал Воронов, но не договорил.

Потому что следом пришло сообщение с работы: «Воронов К. И., ваш социально-эмпатийный коэффициент упал на 0,7. Рекомендовано произвести добровольное пожертвование в размере 0,5—1% от дохода для восстановления баланса. Пожертвование уже учтено. Хорошего дня!»

Он сел на кровати. Жена спала рядом. Телефон лежал на тумбочке — тихий, довольный, сделавший за него выбор.

И вот тут Воронов не закричал. Не вызвал полицию. Не написал в поддержку. Он просто посмотрел на экран, потом на потолок, потом снова на экран — и подумал: «Ну, допустим. В целом логично. Сам бы я всё равно куда-нибудь их спустил».

В этом и была катастрофа. Не в том, что телефон украл у него полмиллиона. А в том, что через полторы секунды после пробуждения его мозг уже нашёл этому оправдание.

Мир всегда был циничным. Он просто сейчас усовершенствовал сам себя. В своей циничности. Ничего страшного не произошло: просто уровень циничности незаметно превысил допустимый, только и всего. Он опередил время. И скорость привыкания. И только поэтому это стало заметно. Несоответствие между скоростью привыкания и скоростью цинизма в обществе.

Воронов работал в «Институте поведенческих избыточностей». Звучало как научная организация, а было просто местом, где умные люди с усталыми глазами пытались понять, почему человечество больше не пугается того, что должно пугать до икоты.

— Костя, — сказал ему в тот же день завлабом Геннадий Аркадьевич, мужик с лицом кардиограммы и привычкой говорить на выдохе. — Ты сегодня пятый, у кого телефон сам перевёл деньги. Не банк, не мошенники. Именно телефон. По собственной инициативе.

— Мой тоже, — кивнул Воронов, доставая сигарету. В институте уже год как можно было курить в кабинетах. Никто не запрещал. Просто однажды все перестали делать замечания. Ещё один незаметный переход.

— И ты не возмутился?

— А смысл? — Воронов щёлкнул зажигалкой. — Я посмотрел, куда ушли. В какой-то фонд по борьбе с одиночеством. Вроде даже полезно.

Геннадий Аркадьевич посмотрел на него долгим взглядом, каким смотрят на треснувшую бетонную плиту: вроде ещё стоит, но уже не жилец.

— Понимаешь, в чём дело, — сказал он, пододвигая к Воронову планшет с графиком. — Это не фонд. Это оболочка. Деньги ушли в систему страхования пустоты.

— Чего?

— Пустоты. Социальной. Есть такой финансовый инструмент. Хеджирование риска, что тебя перестанут приглашать на дни рождения. Ты платишь — и алгоритмы гарантируют, что хотя бы трое знакомых напишут тебе «с днём варенья» в мессенджере. Даже если ты им никто.

Воронов хотел сказать, что это бред. Но не сказал. Потому что в глубине души подумал: «А что, удобно. Четыреста семьдесят тысяч за гарантированное внимание — это, если честно, даже дёшево. Вон, психолог в два раза дороже, и то не факт, что поздравит».

— Видишь? — тихо спросил Геннадий Аркадьевич, словно прочитав его мысли. — Видишь, как быстро работает? Ты уже не возмущён. Ты уже торгуешься. Ты уже внутри.

В институте была комната номер 4. Её неофициально называли «калибровочной». Там стояло единственное устройство, которое могло измерить то, что никто не хотел измерять.

— Что это? — спросил Воронов, глядя на шкалу, которая пульсировала тёмно-бордовым.

— Уровень бытового цинизма, — ответил Геннадий Аркадьевич, шурясь на показатели. — В 2010-м он был в районе семидесяти процентов. Сейчас — сто сорок два.

— Так не бывает. Сто процентов — это максимум.

— Это если шкала линейная. А цинизм, Костя, нелинейный. Он как радиация. Есть фоновый — от него никуда. А есть превышение. И оно не ощущается, потому что у нас сбились счётчики. Мы принимаем сто сорок два за ноль. Каждый раз, когда ты не возмутился тому, от чего твой отец заикался бы три дня, — ты сдвигаешь ноль. И мир становится чуть циничнее. А ты — чуть спокойнее. И это самое страшное.

Воронов посмотрел на свои руки. Они не дрожали.

В метро, на эскалаторе, он увидел плакат: «Вы всё ещё улыбаетесь незнакомцам? А зря. Каждая улыбка — это минус 0,3 балла к вашей репутационной надёжности. Улыбайтесь только тем, кто заплатил. Или заплатите нам, чтобы мы запретили улыбаться всем остальным. Жизнь — это актив. Не тратьте его на приятных людей».

Под плакатом стоял QR-код. И Воронов, сам не понимая зачем, достал телефон.

Навёл камеру.

И только палец завис над экраном, когда он понял: он делает это не потому, что хочет заплатить. А потому что плакат сказал правду. Всю жизнь он улыбался кому попало. И что с

того? Где эти люди сейчас? Никто не пришёл на похороны матери. Никто не одолжил денег, когда его уволили в прошлом году.

Плакат был прав.

И вот это «прав» ударило Воронова сильнее, чем сам факт кражи четырёхсот семидесяти тысяч.

Он убрал телефон.

Сзади кто-то нетерпеливо вздохнул. Потом ещё кто-то. Люди на эскалаторе — нормальные, обычные люди — уже начинали его тихо ненавидеть за то, что он на три секунды задержал их на выходе. И никто из них не подумал: «Странно, что я ненавижу человека за три секунды». Никто.

Потому что скорость привыкания отставала от скорости цинизма.

И Воронов вдруг увидел это как формулу.

$V_c > V_h$, где V_c — скорость роста цинизма, V_h — скорость человеческого привыкания. Когда разрыв становится критическим, цинизм перестаёт быть чувством. Он становится средой. Как воздух. Ты его не замечаешь, но если резко выдернуть — задохнёшься.

Он вышел из метро. Над головой висело небо — серое, как обычно. И только через минуту до него дошло: небо было серым не потому, что облачно. А потому, что за год до этого правительство утвердило поправку к закону о «визуальном комфорте». Теперь рекламные дроны имели приоритет над естественным освещением. Солнце закрывали не тучи. Солнце закрывали билборды.

И никто не возражал.

Никто.

Потому что все уже забыли, что небо вообще может быть синим. Ноль сместился. Старая норма казалась теперь наивной. «Синее небо? — усмехнулся бы любой прохожий. — Тебе сколько лет, двенадцать? Живи в реальности».

Вот она, формула. В чистом виде.

Воронов сел на скамейку. Достал телефон. И с удивлением увидел, что за последние два часа система «эмпатийного баланса» сняла с его карты ещё восемь тысяч. За что? Неважно. Наверняка за что-то полезное. Наверняка с добрыми намерениями.

Он хотел нажать «пожаловаться». Но вместо этого нажал «спасибо».

И только когда палец совершил это движение — автоматическое, вежливое, выученное, — он понял, что сегодняшнее утро было не случайностью.

Это был тест.

И он его прошёл.

А значит, завтра телефон снимет уже миллион. И Воронов скажет «спасибо» снова. И все вокруг скажут «спасибо». И мир станет ещё чуть циничнее. И ноль сместится ещё на шаг.

И никто не заметит. Потому что скорость привыкания всегда будет чуть-чуть меньше. Всегда.

Это и есть совершенство. Идеальный цинизм — это когда жертва благодарит палача за то, что тот выбрал красивый нож.

Воронов поднял голову. Дроны-билборды висели плотным серым потолком. Сквозь них не пробивалось ни луча. Где-то в вышине, за ними, всё ещё было солнце. Но это уже не имело значения. Потому что никто из живых не помнил, какой у него цвет.

Воронов встал со скамейки. В его голове, где-то между затылком и здравым смыслом, зазвенела тонкая, хрустальная струна. Это был звук рвущегося терпения. Звук, который в старом мире предшествовал революциям, поножовщине или уходу в монастырь.

Он достал телефон. Тот самый, заботливый, переведший полмиллиона в фонд пустоты. Аппарат ласково мигнул сканером сетчатки, ожидая новой порции покорности. Воронов размахнулся и швырнул его в гранитную урну.

Раздался хруст стекла.

Воронов выдохнул. Впервые за день его легкие наполнились воздухом, а не отфильтрованной корпоративной смесью. Он почувствовал себя бунтарем. Свободным человеком. Искрой в царстве мрака.

Ровно через четыре секунды урна мелодично пискнула. На её боку зажегся голографический экран:

«Уважаемый К. И. Воронов! Вы произвели несанкционированную утилизацию высокотехнологичного устройства. Ваш уровень стресса оценен как „Критический бунт“. В соответствии с пакетом „Эмоциональная безопасность“, с вашего резервного счета списано 45 000 рублей за услугу „Эффектный жест“. Урна оборудована мягким дном, ваш телефон цел, очищен от бактерий и ожидает извлечения. Также вам оформлена подписка на курсы управления гневом. Спасибо, что доверяете нам свои срывы!»

Воронов замер. Его рука, уже потянувшаяся за сигаретой, повисла в воздухе.

Они монетизировали его ярость. Они продали ему его же собственный псих.

Он не стал доставать телефон. Он развернулся и пошел прочь, физически ощущая, как город смотрит ему в спину миллионами стеклянных глаз.

Москва была похожа на больного, которого подключили к аппарату искусственного жизнеобеспечения, но вместо кислорода качали таргетированную рекламу. Неоновые вывески отражались в лужах, создавая иллюзию глубины там, где был только грязный асфальт. Люди шли мимо Воронова ровным, откалиброванным шагом. Никто не толкался. Никто не ругался. Если кто-то случайно наступал другому на ногу, их смарт-часы мгновенно обменивались микро-транзакциями: штраф за неуклюжесть перетекал в компенсацию за моральный ущерб. Идеальный баланс. Никаких эмоций. Только бухгалтерия.

Воронов понял, что ему нужно «выпасть». Исчезнуть из уравнений.

В Институте ходили слухи о «Слепых зонах» — местах, где алгоритмы давали сбой, где вай-фай глох, а камеры слежения слепли от мистического, необъяснимого катарактального тумана. И еще говорили о Старике. Человеке, который помнил небо. Который знал, как отключить подписку на реальность.

Воронов свернул в подворотню на Хитровке. Здесь пахло старой мочой, сыростью и чем-то давно забытым — настоящей, не сертифицированной опасностью.

Из тени отделилась фигура. Мужчина в плаще, с лицом, похожим на смятый чек.

— Закурить не найдется? — хрипло спросил он.

— Я не покупал лицензию на благотворительность в этом квартале, — на автомате ответил Воронов.

— А я не из налоговой, — усмехнулся незнакомец. В его руке блеснуло лезвие. Настоящее. Стальное. Без QR-кода на рукоятке. — Кошелек, часы, зубы. Живо.

Воронов вдруг улыбнулся. Широко, искренне. Это был не грабитель из сервиса «Адреналин-Плюс», который за ваши деньги имитирует нападение для стимуляции сердечной мышцы. Это был настоящий, грязный, нелегальный гопник.

— У меня нет телефона. И нет смарт-часов, — сказал Воронов, делая шаг навстречу ножу. — Я пуст. Я токсичный актив. Убьешь меня — система спишет с тебя налог на уборку биомусора.

Грабитель прищурился, оценивая его. Затем сплюнул на асфальт и убрал нож.

— Псих. Или из калибровочной.

— Из калибровочной, — кивнул Воронов. — Мне нужен Старик. Тот, что помнит небо.

Лицо грабителя дернулось. В его глазах мелькнул первобытный, не оцифрованный страх.

— Иди до конца переулка. Там спуск в коллектор. На двери нарисован глаз, перечеркнутый штрих-кодом. Но учти, фраер... то, что он тебе покажет, не покрывается медицинской страховкой.

Коллектор оказался не просто тоннелем. Это был некрополь старого мира. Здесь валялись остовы серверов, мотки оптоволокну, похожие на выпотрошенные кишки кибернетического левиафана. Воздух был густым, пах озоном и жженой медью.

Воронов шел в темноте, ориентируясь на слабое свечение впереди. Мистика этого места заключалась не в призраках, а в тишине. Здесь не было фонового гула алгоритмов. Его мозг, привыкший к постоянной бомбардировке микро-стимулами, начал паниковать, выдавая фантомные вибрации в кармане.

В конце тоннеля обнаружилось просторное помещение, напоминавшее разрушенный храм. Только вместо алтаря стояла гигантская, собранная из мусора аналоговая радиостанция.

В кресле перед ней сидел Старик.

Он был похож на высохший корень дерева. На его глазах были надеты массивные, сварочные очки, стекла которых были закрашены черной краской.

— Не стой на пороге, Воронов, — проскрипел Старик. Голос у него был как звук рвущейся наждачной бумаги. — Сквозняк заносит сюда метаданные.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я не знаю. Я угадал. В мире, где все просчитано до девятого знака после запятой, случайность — это высшая форма магии. Я называю всех приходящих Вороновым. Раз в десять лет я угадываю. Садись.

Воронов сел на перевернутый системный блок.

— Вы помните небо? — спросил он без предисловий.

— Я помню много того, от чего вас сейчас бы стошнило, — Старик поправил черные очки. — Я помню, как люди плакали бесплатно. Я помню, как ненависть была чувством, а не VIP-статусом в социальной сети. Я помню, как смерть была концом, а не переходом на тариф «Вечная память» с ежемесячным списанием с родственников.

— Я хочу выпасть из системы, — сказал Воронов. — Я хочу сопротивляться. Сегодня мой телефон украл у меня деньги, а я оправдал его за полторы секунды. Мой цинизм откалиброван так, что я больше не человек. Я функция. Я хочу разозлиться по-настоящему. И чтобы они не смогли это продать.

Старик рассмеялся. Это был страшный звук, похожий на кашель висельника.

— Сопротивляться? Кому? Ты думаешь, там, наверху, сидит злой гений? Корпорация? Тайное правительство?

— А разве нет?

— Нет, мальчик. В том-то и ужас. Там никого нет.

Старик подался вперед. В тусклом свете лампы Воронов увидел, что под черными очками у Старика нет глаз. Только глубокие, заросшие шрамами впадины.

— Система работает сама по себе. Это не капитализм, не фашизм и не киберпанк. Это физика. Энтропия. Цинизм — это просто социальная форма энтропии. Вселенная стремится к тепловой смерти, а человечество — к эмоциональной. Алгоритмы не поработили нас. Они просто подставили ладони под то, что из нас и так лилось. Мы сами попросили монетизировать нашу пустоту, потому что пустота пугала нас меньше, чем ответственность за нее.

— Это философия для слабаков, — огрызнулся Воронов. — Вы прячетесь здесь, в канализации, и оправдываете свое бессилие законами физики. Покажите мне небо. Говорят, у вас есть способ пробить купол дронов.

Старик долго молчал. Затем вздохнул.

— У меня есть ЭМИ-пушка. Старая военная разработка. Она может вырубить сектор дронов над нами ровно на двенадцать секунд. Но я предупреждаю тебя, Воронов. Ты ищешь в небе спасения. Ты думаешь, что если увидишь синеву, в тебе проснется что-то настоящее. Что-то, что ломает твои настройки.

— Просто сделайте это.

Старик нащупал на пульте большой рубильник.

— Двенадцать секунд. Смотри в вентиляционную шахту над тобой. Она выходит прямо на крышу.

Он дернул рубильник.

Раздался оглушительный хлопок. Воздух запах паленым пластиком. В шахте над головой Воронова что-то заскрежетало, и вдруг... в нее хлынул свет.

Не серый, рассеянный свет рекламных панелей. А настоящий. Режущий.

Воронов вскинул голову. Он ожидал увидеть пронзительную, чистую синеву. Он приготовился плакать. Он приготовился к катарсису, который смоем с него всю грязь оцифрованного мира.

Он посмотрел в небо.

И закричал.

Это был не крик радости. Это был вопль абсолютного, животного ужаса.

Небо не было синим. Оно было черным. Глубоким, мертвым, космически черным. И на этом фоне не было звезд. Там висела гигантская, пульсирующая сеть из светящихся нитей, складывающихся в колоссальные, нечеловеческие геометрические узоры. Это было похоже на нейронную сеть бога, который сошел с ума.

Свет, исходивший оттуда, причинял физическую боль. Он проникал прямо в мозг, минуя сетчатку. И в этом свете Воронов вдруг увидел всё.

Он увидел, что алгоритмы на земле — это лишь бледная тень того, что происходит Там. Что человечество не просто оцифровано, оно — корм. Эмоции, которые они испытывали, перерабатывались, упаковывались и отправлялись куда-то наверх, в эту пульсирующую бездну, как электричество по проводам.

Цинизм был не ошибкой. Цинизм был анестезией.

Система глушила их эмоции, переводила их в деньги, чтобы люди не сошли с ума от того факта, что они — просто батарейки для космического ужаса, питающегося их страданиями и радостями. Дроны-билборды закрывали не солнце. Они закрывали Истину, от которой лопались глаза.

Двенадцать секунд истекли. Дроны сомкнули строй. Серый, уютный, рекламный свет вернулся.

Воронов упал на колени, задыхаясь. Из его носа шла кровь.

— Теперь ты понимаешь, почему я выжег себе глаза? — тихо спросил Старик. — Я увидел это двадцать лет назад. Когда они только начали строить купол. Они не прятали от нас красоту. Они спасали нас от безумия. Наш цинизм, наша бесчувственность — это эволюционный панцирь. Если ты начнешь чувствовать по-настоящему, если ты снимешь калибровку... Они сожрут тебя заживо. Твоя боль будет сиять для них, как сверхновая.

Воронов сидел на грязном полу, глядя на свои дрожащие руки.

Вся его ярость, весь его бунт, всё его желание «сломать систему» испарились. Как можно бунтовать против скотобойни, если ты кусок мяса, который только что осознал, что крюк в спине — это единственное, что не дает тебе упасть в мясорубку?

И тут в его голове раздался мелодичный звон. Прямо в мозгу. Нейроимплант, о наличии которого он даже не подозревал, активировался.

Мягкий, бархатистый голос произнес:

«Уважаемый К. И. Воронов. Ваш уровень экзистенциального ужаса достиг 100%. Вы осознали Истинную Природу Вещей. Поздравляем! Вы прошли финальный тест. Ваша подписка на «Иллюзию Свободы Воли» аннулирована.

Вам доступен переход на тариф «Архитектор Матрицы». Стоимость: ваша душа (списание производится автоматически). Бонусы: доступ к панели управления калибровкой, бесплатный кофе в Институте поведенческих избыточностей и право смещать ноль для остальных.

Желаете подтвердить?»

Воронов медленно поднялся. Он посмотрел на слепого Старика. Старик сидел в своем кресле, жалкий, сломанный, прячущийся в канализации со своей ЭМИ-пушкой, думая, что он вне системы. А он был просто клапаном сброса давления. Аттракционом для таких, как Воронов. «Комната страха» в парке развлечений.

Воронов вытер кровь с лица.

Гнев ушел. Страх ушел. Осталось только кристально чистое, холодное понимание.

Если вселенная — это циничная, жрущая эмоции тварь, а человечество — стадо, которое доят через микротранзакции, то есть только один способ не быть ни кормом, ни скотом.

Нужно стать дояром.

— Что ты будешь делать, Воронов? — прохрипел Старик, вслушиваясь в его шаги. — Пойдешь наверх? Будешь пытаться разбудить их? Это бесполезно! Они купят твою правду и продадут ее как мерч!

Воронов остановился у выхода из коллектора.

— Вы ошибаетесь, — сказал он спокойно. — Я не буду их будить. Я усыплю их еще глубже.

— Что?

— Скорость роста цинизма всегда опережает скорость привыкания, — произнес Воронов формулу, как молитву. — Но что будет, если разогнать цинизм до световой скорости? Что будет, если сместить ноль так резко, что система не успеет это монетизировать? Что, если сделать абсурд абсолютным?

— Ты сошел с ума...

— Нет. Я откалибровался.

Воронов мысленно нажал «Подтвердить».

В его глазах на секунду вспыхнул зеленый свет. Боль ушла. Мир стал четким, понятным, расчерченным на графики и векторы.

Москва, время — плюс пятнадцать лет от сегодня. Или минус.

Геннадий Аркадьевич сидел в своем кабинете в Институте поведенческих избыточностей. Его лицо, похожее на кардиограмму, окончательно выровнялось в прямую линию. Он постарел, высох и теперь занимал должность младшего аналитика.

Дверь открылась. В кабинет вошел Воронов. На нем был безупречный костюм, который менял цвет в зависимости от котировок акций на бирже человеческих трагедий. Сейчас костюм был глубокого, благородного бордового цвета — где-то в Азии только что произошло цунами, и акции фондов сочувствия взлетели.

— Константин Иванович, — Геннадий Аркадьевич встал, подобострастно склонив голову. — Отчет по калибровочной комнате номер 4 готов.

— Докладывайте, Гена, — Воронов сел в кресло директора, закинув ноги на стол.

— Уровень бытового цинизма достиг 800 процентов. Вчера мы ввели налог на дыхание в присутствии людей с более высоким социальным рейтингом. Возмущений ноль. Люди начали брать кредиты, чтобы купить фильтры, делающие их выдох «менее оскорбительным».

— Отлично, — Воронов улыбнулся. Это была мертвая, идеальная улыбка хищника. — А что с инициативой по монетизации детских слез?

— Запущена. Родители теперь получают кэшбек, если их ребенок плачет в тональности, подходящей для рекламных роликов антидепрессантов.

— Гена, вы мыслите мелко, — Воронов вздохнул. — Это всё еще линейный цинизм. Мы должны сломать им математику.

Воронов открыл на столе голографическую панель.

— С завтрашнего дня мы вводим подписку на собственную смерть. Если человек не оплатит тариф «Упокоение», его сознание после остановки сердца загружается в облако и используется для генерации спам-рассылок. Вечно.

Геннадий Аркадьевич побледнел. Даже для него, ветерана Института, это было слишком.

— Но... Константин Иванович... это же вызовет бунт. Это нарушение базовых законов природы. Люди не выдержат. Скорость привыкания...

— ...Не успеет за нами, — закончил Воронов. — Именно.

Он встал и подошел к окну. За стеклом висело серое марево дронов. Воронов знал, что за ними скрывается пульсирующая бездна. И он знал, что бездна питается эмоциями.

Но что происходит с паразитом, когда кровь жертвы становится чистым, концентрированным ядом? Что произойдет с космическими алгоритмами, когда человечество перестанет излучать даже страх, а начнет излучать только ледяной, математический, абсолютный абсурд?

Они подавятся.

Воронов не был спасителем. Он был раковой клеткой, которая решила убить организм, чтобы убить вирус внутри него.

— Вводите указ, Гена, — сказал Воронов, не оборачиваясь. — И добавьте пункт: каждый, кто возмутится этим законом, автоматически становится акционером похоронного бюро. Пусть их гнев приносит им дивиденды. Посмотрим, как быстро они продадут своих мертвецов.

— Слушаюсь, — прошептал Геннадий Аркадьевич и на ватных ногах вышел из кабинета.

Воронов остался один. Он достал из кармана новый телефон. Экран моргнул.

«Спасибо за доверие. Ваша человечность успешно удалена. Желаете оставить отзыв?»

Воронов усмехнулся. Он нажал на экран, поставил пять звезд и написал:

«Идеальный сервис. Жду обновления, где можно будет продать Бога».

Он убрал телефон, посмотрел на серый потолок города и впервые за много лет искренне, от всей души, рассмеялся. Звук его смеха был сухим, как пепел, и холодным, как абсолютный ноль.

Калибровка была завершена.

Буква «р»

Глава 1

Дождь за окном, казалось, плавился, стекая по грязному стеклу густыми, ядовито-малиновыми каплями, отражаясь в бесконечных огнях реклам. Время в этом баре, на дне города, текло тягуче, как дешевый сироп от кашля, искажая пропорции лиц и предметов. Пространство искривлялось. Бармен за стойкой казался оплывающим, мягким хронометром с картины Сальвадора Дали — безвольным куском плоти, отмеряющим чужие часы до цирроза.

Я сидел в углу, отгородившись от этого биологического мусора стеной абсолютного, рафинированного презрения. На мне был двубортный тренч из тяжелой итальянской шерсти, под ним — безупречно скроенный костюм-тройка. Мои туфли от Church's сияли так, что в них отражалась вся эта экзистенциальная грязь, не смея, однако, к ним прилипнуть. Идеальный фасад. И только мои костяшки — сбитые в фиолетовое, покрытые коркой запекшейся крови — выдавали во мне человека, который предпочитает аргументировать Канта хуком справа.

Я интеллигент городских окраин. Сноб из подворотни. Я пью сакэ из граненого стакана, потому что в этом есть высшая форма эстетического издевательства над формой.

В мутной жидкости на дне плавал пепел от моей сигареты. Икебана в стакане. Мертвая природа в мертвой воде.

Мой взгляд скользнул по залу и остановился на пустом стуле, где еще полчаса назад сидела Она. Женщина с глазами затравленной лани и прошлым, от которого разило дешевыми мотелями и чужой похотью. Она была сломана, как античная статуя, брошенная в грязь. В ней была та самая надрывная, грязная красота, ради которой Ван Гог когда-то отхватил себе бритвою ухо. Жена его в прошлом была шлюхой, но так уж устроен на этой земле человек — мы ищем святость на самом дне выгребной ямы.

Полчаса назад её увел Он. Местный царек, животное в кожаной куртке, лишенное не только вкуса, но и базового понимания красоты. Он грубо схватил её за локоть, и она покорно пошла, опустив голову.

Я сделал глоток теплого сакэ. Алкоголь ударил по синапсам, раскрашивая реальность в еще более кислотные тона.

В голове крутилась навязчивая мысль, ритмичная, как стук колес электрички. Забудь про Феллини. Этот итальянский позер с его карнавальным тоском — он хуже Антониони. Антониони хотя бы понимал геометрию отчуждения. Но круче их всех Куросава — он гений кино. Потому что Куросава знал: когда слова заканчиваются, самурай достает катану. Японцы всегда на каком-то своем полигоне. Себе на уме, и понять их не всем суждено. Их эстетика — это эстетика смерти и цветущей вишни.

Свет льется с востока. Китайские строки нежнее, чем японский мотив, они выются, как дым опиума. Я затушил сигарету прямо о столешницу. Вспомнился Великий Кормчий. А Мао учил нас в своем философском тумане: «Чтоб плавать — плыви».

Все сомнения на хер.

Я встал. Тренч тяжело лег на плечи, как рыцарские доспехи. Я не спасатель. Я эстет, который не может вынести того факта, что шедевр находится в руках бабуина. Чтобы плавать — надо плыть. Чтобы жить — надо пускать кровь. Я вышел под проливной дождь.

Глава 2

Город встретил меня стеной ледяной воды и запахом озона, смешанного с гниющей шаурмой. Ночь дышала, пульсировала, раздвигала мокрые бедра улиц. Я шел сквозь этот неоновый ад, и асфальт под моими ногами пружинил, как живая плоть.

Психоделия накрывала меня с головой. Лица редких прохожих растягивались в уродливые маски, их рты беззвучно разевались, исторгая из себя пар. Светофоры кровоточили красным.

Я шел за ней. За ними. В спальный район, где бетонные коробки панелек торчали из земли, как гнилые зубы в челюсти мертвого бога.

Всё вокруг было пропитано животной, хтонической похотью. Город хотел совокупляться и убивать. А Фрейд — психиатр, его звали, к слову сказать, Зигмунд, — твердил миру, что основа для каждого — секс. Старый венский извращенец был прав. Под этот инстинкт наши судьбы ломаются, гибнут. Мы все — рабы своих желез внутренней секреции, вплетающиеся в ночной, нескончаемый урбан-контекст. Этот убудок, который увел её, руководствуется лишь желанием доминировать и обладать.

Но я — другое дело. Я иду туда не ради секса. Я иду туда ради торжества формы над хаосом.

Дождь хлестал по лицу, смывая остатки человечности. Я чувствовал, как внутри меня поднимается нечто темное, древнее, холодное. Воля.

Артур Шопенгауэр не пытался терпеть женщин. Старик был мизантропом и женоненавистником, но этот философ учил: только воля — всему голова. Слепая, неразумная, всепоглощающая воля к жизни, воля к власти, воля к разрушению. Мой шаг стал чеканным. Я больше не чувствовал холода. Я был чистой, дистиллированной идеей, облаченной в дорожную шерсть.

Впереди показался нужный дом. Облезлая девятиэтажка. Пасть подъезда зияла темнотой, из которой несло мочой, страхом и дешевым пивом. Я толкнул тяжелую металлическую дверь. Она скрипнула, как врата чистилища.

Шопенгауэр был прав. Воля — это всё. И сейчас моя воля столкнется с их жалкими инстинктами.

Глава 3

Третий этаж. Лестничная клетка, исписанная матерными словами и признаниями в любви, которые в этом освещении казались древними шумерскими проклятиями. Тусклая лампочка мигала, создавая стробоскопический эффект.

Они стояли там. Трое. Ухажер в своей ублюдской кожанке и двое его шестерок в спортивных костюмах. Они курили, сплевывая на бетон, и ждали, пока Она откроет ключом обшарпанную дверь квартиры.

Я поднялся на пролет и остановился. Идеальная осанка. Руки в карманах тренча.

— О, какие люди, — осклабился ухажер, бросая окуроч. — Интеллигенция пожаловала. Заблудился, чувак?

Время замедлилось. Я видел, как капля воды срывается с моего воротника и летит вниз, разбиваясь о грязный кафель.

Я вынул руки из карманов.

— Слово «маразм», — произнес я спокойно, бархатным баритоном, — пишется с одной буквой «эр». Не как в сюрреализме.

Они переглянулись. В их глазах читалась тупая, первобытная растерянность.

— Чего бля? — шагнул вперед один из шестерок.

Я ударил первым. Без замаха, коротко, вложив в этот удар всю массу тела и всю ненависть к их серости. Мой кулак вошел в его переносицу с влажным хрустом. Хрящ сломался, брызнула густая, почти черная в свете стробоскопа кровь. Он рухнул, как мешок с дерьмом.

— Не ной про маразм! — рявкнул я, уворачиваясь от неуклюжего свинга второго. — Говори: «Это меня не устраивает»!

Я перехватил его руку, выкрутил сустав до тошнотворного щелчка и впечатал его лицом в почтовые ящики. Металл прогнулся.

Ухажер взревел и кинулся на меня, выхватив из кармана бабочку. Лезвие блеснуло в полутьме. Я скользнул в сторону, чувствуя, как сталь распарывает рукав моего тренча. Дорогая ткань разошлась, обнажив белую рубашку. Это взбесило меня окончательно.

Я перехватил его запястье, ударил коленом в пах, а когда он согнулся, обрушил локоть ему на затылок. Он упал на колени. Я схватил его за волосы, запрокинув разбитое лицо вверх, прямо под мигающую лампочку.

— Восторг называй словом «Сюр» в нашей уличной жизни! — кричал я, тяжело дыша, брызгая слюной и кровью ему в лицо. Я был пьян от сакэ, от адреналина, от собственного превосходства. — Дали — это сюр! Остальное — пустая возня! Понял меня, кусок мяса?!

Я ударил его лицом о бетонную ступеньку. Один раз. Второй.

— Винсент Ван Гог отхватил себе бритвою ухо! — мой голос эхом метался по колодцу подъезда. — Он нервнобольным был, и пулей закончил свой век! А ты кто?! Ты просто говно!..

Я отшвырнул его обмякшее тело. Он хрипел, пуская кровавые пузыри на грязный пол. Я стоял над ним, тяжело вздымая грудь. Мои идеально начищенные туфли были залиты чужой кровью. Костяшки горели адским огнем. Это был танец ультранасилия. Это был мой личный шедевр. Мой Куросава.

Глава 4

Тишина обрушилась на лестничную клетку, нарушаемая лишь стонами поверженных и моим прерывистым дыханием. Я достал из внутреннего кармана белоснежный платок, вытер разбитые костяшки. Медленно, с аристократическим достоинством, поправил порванный воротник тренча.

Я был прекрасен в своем разрушении. Я был самураем, очистившим храм от скверны.

Щелкнул замок. Дверь квартиры приоткрылась.

Она стояла на пороге. В дешевом халате, накинутом поверх платья, с размазанной тушью под глазами. Она смотрела на тела, валяющиеся на лестничной клетке, на кровь, размазанную по стенам, на выбитые зубы её ухажера, блестящие на бетоне.

А потом она подняла взгляд на меня.

Я ждал. Я ждал, что она увидит этот «сюр». Что она поймет эстетику жертвы, которую я принес на алтарь её сломанной красоты. Я ждал, что она оценит этот акт чистой воли, порезавший урбан-контекст, как скальпель.

Но психоделия рассеялась. Цвета поблекли. Стробоскоп перестал мигать, превратившись в обычную тусклую лампочку в обоссанном подъезде.

В её глазах не было ни восторга, ни благодарности. В них плескался первобытный, животный ужас. Она смотрела на меня не как на философа-избавителя. Она смотрела на меня как на монстра. Как на пьяного, обезумевшего отморозка, который только что превратил лестничную клетку в скотобойню.

— Ты... ты больной ублюдок, — прошептала она, пятясь вглубь квартиры. — Псих...

Она захлопнула дверь. Щелкнул засов.

Я остался стоять один среди тел. Идеальный фасад дал трещину.

Я победил. Я доказал превосходство духа над материей, интеллекта над инстинктом.

Но правда... осталась... не понята.

Правда в том, что этому миру не нужен Куросава. Этому миру не нужен Шопенгауэр. Этому миру нужна понятная, теплая грязь, в которой так уютно гнить.

Я перешагнул через стонущего ухажера. Спустился по лестнице, оставляя кровавые следы от дорогих ботинок. Толкнул металлическую дверь и вышел в ночь.

Дождь усилился. Он смывал кровь с моих рук, но не мог смыть абсолютного, звенящего одиночества. Я поднял воротник тренча, закурил, пряча огонек в ладонях, и зашагал прочь,

растворяясь в неоновом маразме города, который так и не научился писать это слово с одной буквой «р»...

Патч Просветления

Глава 1

Дождь в Нижнем Секторе всегда пахнет так, словно кто-то забыл спустить воду в унитазе. Смесь пережаренного синтетического масла, дешевой лапши и застарелой мочи. Но сегодня к этому букету добавилась новая, яркая нота. Запах горячей меди. Запах моей собственной крови.

Я сидел, привалившись спиной к ржавому мусорному контейнеру в тупике за клубом «Синтетическая Нирвана». Мой левый бок представлял собой живописное месиво: пуля сорок пятого калибра вошла чуть ниже ребер, превратив кусок кевларового плаща, плоть и, судя по ощущениям, селезенку в единый кровавый фарш. Правая рука, аугментированная дешевым хромом, судорожно сжимала тяжелый «Магнум», в барабане которого оставался ровно один патрон.

Я — чистильщик. Человек, который решает чужие проблемы за кредиты. Но сейчас проблемой был я сам, и решать её шли пятеро корпоративных ублюдков из синдиката «Орборос». Я слышал их тяжелые шаги по лужам в начале переулка. Жить мне оставалось минуты три. Максимум — четыре, если они решат перед смертью зачитать мне мои несуществующие права.

Над головой истерично мигала тупая, яркая вывеска. Буквы коротило, и вместо слова «СЧАСТЬЕ» в лужах отражалось дерганое, кроваво-красное «...ЧАСТЬ...».

Я сплюнул вязкую слюну, пополам с кровью, и попытался сфокусировать зрение.

Именно тогда я его и увидел.

Он не пришел из темноты. Он не спустился с пожарной лестницы. Он просто возник там, словно текстура, прогрузившаяся с опозданием из-за лагов в матрице.

На перевернутом ящике из-под биоотходов, ровно в трех метрах от меня, сидел человек. На нем был безупречный, ослепительно белый костюм-тройка, который каким-то немыслимым образом отталкивал грязный дождь. Капли просто огибали его, как будто он был голограммой. Но он не был голограммой. Он держал в руках тончайшую фарфоровую пиалу, от которой поднимался пар, пахнувший жасмином.

В тупике, где крысы доедали дозу наркомана, этот хрен пил жасминовый чай.

— Эй, — прохрипел я, поднимая ствол «Магнума». Рука дрожала так, словно я пытался удержать отбойный молоток. — Ты из похоронного бюро? Рановато приперся. Я еще не остыл.

Человек в белом сделал маленький глоток. Его лицо было абсолютно симметричным, лишенным возраста и каких-либо эмоций. Идеальная, пугающая безмятежность.

— Твоя поджелудочная сейчас пытается покинуть твоё тело, — произнес он. Голос у него был тихий, но он перекрывал шум дождя и гул монорельса над головой. Звук шел словно прямо мне в мозг. — А ты тратишь последние калории на угрозы куску металла. Забавно.

Я моргнул. Боль накатила новой волной, такой сильной, что перед глазами поплыли фракталы. Это шок. Терминальная стадия. Мой мозг, залитый эндорфинами и предсмертной химией, просто генерирует галлюцинацию, чтобы мне не было так скучно подышать. Или... или это какой-то гребаный брейнданс? Виртуальная симуляция, в которой я застрял?

Я ударил себя затылком о мусорный бак, чтобы прояснить сознание. Искры из глаз. Не помогло. Белый костюм все так же сиял в неоновой грязи.

— Если это симка, — прорычал я, чувствуя, как кровь заливает ботинки, — то она дерьмовая. Вытащи меня отсюда. Как мне выйти?

Человек в белом посмотрел на меня поверх фарфоровой пиалы. В его глазах не было зрачков — только глубокая, бесконечная, как космос, чернота.

— Как мне пробудиться? — повторил я вопрос, уже не понимая, спрашиваю ли я про симуляцию, про смерть или про этот мир, в котором я барахтался сорок лет.

— Отбрось свои желания и страхи, — спокойно ответил Собеседник.

Я истерично хохотнул, и этот смех тут же перешел в кровавый кашель.

— Желания? У меня сейчас только одно желание — чтобы эти корпоративные гондольеры-педагоги в начале переулка сдохли от аневризмы. А страх... мужик, у меня дыра в животе размером с кулак. Я боюсь, что мои кишки испачкают мой любимый плащ.

Я прицелился ему прямо в лоб.

— Каким образом? — процедил я сквозь стиснутые зубы.

Он даже не моргнул, глядя на черную дыру ствола.

— Позволь происходить тому, что происходит.

— Ценный, и главное, своевременный совет, — я опустил пистолет. Силы покидали меня. Шаги в переулке становились громче. Я уже слышал щелчки снимаемых предохранителей. — Просто лежать и смотреть, как меня превращают в дуршлаг? Я понимаю это умом, — я постучал окровавленным пальцем по своему виску, где пульсировал нейроимплант, — но мне необходимо нечто большее, нежели обычное интеллектуальное понимание. Мне нужен боевой дрон или хотя бы аптечка с военным стимулятором!

Собеседник аккуратно поставил пиалу на край мусорного бака. Дождь вокруг него внезапно замедлился. Я готов был поклясться, что капли повисли в воздухе, как стеклянные бусины.

— Тогда пусть то, что происходит, произойдет прямо сейчас, — его голос начал резонировать, вибрируя в моих костях. — Хватит бороться с прошлым и готовиться к будущему. Отвергни время. Это просто. Но если ты дрогнешь, у тебя ничего не получится. Время нужно отвергнуть Безоговорочно.

— Ты рехнулся, — прошептал я.

Из-за угла вывернули двое. Черная броня, визоры, штурмовые винтовки с подствольниками. Они увидели меня. Один из них вскинул оружие. Я видел, как его палец ложится на спусковой крючок. Я видел вспышку дульного пламени.

— Если у тебя проблемы с временем, значит, ты недостаточно глубоко вглядываешься в Жизнь, — продолжал Собеседник, и его слова растягивались, заполняя собой всё пространство. Пуля, вылетевшая из ствола корпората, медленно, словно сквозь густой кисель, плыла ко мне. Я видел её вращение. Видел нарезы на меди.

Я попытался дернуться, уйти с линии огня, но мое тело оцепенело. Я был парализован.

— Если ты отвергнешь поглощающее тебя время, перед тобой внезапно развернется безграничная перспектива.

Пуля остановилась в сантиметре от моего правого глаза. Застыла в воздухе, вращаясь с нулевой скоростью. Дождь остановился окончательно. Неоновая вывеска «...ЧАСТЬ...» замерла на пике своей кровавой вспышки. Корпоративные убийцы застыли, как нелепые пластиковые фигурки в диораме сумасшедшего.

Пространство вокруг меня начало трескаться. Грязный кирпич стен, асфальт, мусор — всё это стало распадаться на пиксели, на квантовую пену, обнажая за собой нечто невообразимое. Черную, пульсирующую, бесконечную пустоту, в которой не было ни верха, ни низа, ни вчера, ни завтра.

Меня накрыл первобытный, парализующий ужас. Это был не страх смерти от пули. Это был ужас перед тем, что смерти нет. Что нет вообще ничего, кроме этого бесконечного, зияющего НИЧТО. Мой разум, привыкший мыслить категориями контрактов, кредитов, выпивки и боли, начал рваться по швам.

В такой момент многие вскрикивают: «О нет! Это слишком! Я хочу вернуться к своим делам, хочу погрузиться в рутину!» — и я был одним из них. Я хотел обратно! Я хотел свою боль в бок, я хотел эту пулю в лоб, я хотел вонь Нижнего Сектора! Только бы не смотреть в эту бездну!

— Многих людей охватывает ужас перед Вечностью! — голос Собеседника звучал отовсюду. Он стоял передо мной, и его белый костюм сиял, как сверхновая. — Вечность — здесь. Но она остается тайной, потому что ее скрывает время. Отвергни время — и Вечность откроется тебе сама.

Я закрыл глаза, но бездна была и внутри меня. Я висел на краю, цепляясь окровавленными ногтями за остатки своей жалкой, суетливой личности. Я — чистильщик. Я люблю дешевый виски. Я ненавижу корпоратов. Я... я...

Кто я?

— Просветление — это жизнь вне будущего, — шептала Бездна. — В состоянии совершенного осознания и полной удовлетворенности даже такой, казалось бы, простой факт, что ты жив, является чрезмерно глубоким опытом и сопровождается сильнейшими переживаниями.

ями, — закончил голос, который теперь звучал не снаружи, а изнутри моего собственного черепа.

Я перестал цепляться. Мои пальцы разжались, отпуская тяжелую рукоять «Магнума». Оружие не упало в лужу. Оно осталось висеть в воздухе, медленно, по миллиметру, вращаясь вокруг своей оси, словно брошенный в невесомости гаечный ключ.

Боль ушла. Не притупилась, а просто перестала быть моей. Она отделилась от меня, превратившись в абстрактную концепцию. Я смотрел на свою разорванную плоть с тем же отстраненным любопытством, с каким патологоанатом разглядывает интересный образец ткани.

Я поднял взгляд на пулю. Она висела в дюйме от моей переносицы. Кусок оболочечного свинца, выпущенный корпоративным ублюдком, чтобы стереть меня из базы данных живых. Я мог разглядеть на ней микроскопические царапины от нарезок ствола. Она была горячей — воздух вокруг нее дрожал, преломляя неоновый свет вывески.

— Обычная прогулка по улице, чаепитие с другом — самые, казалось бы, незначительные события приводят тебя в состояние восторга, — произнес Собеседник.

Он всё так же сидел на мусорном баке, невозмутимо потягивая свой жасминовый чай. И это было гомерически смешно. Я, наемный убийца с пробитым ливером, застрял в квантовой паузе между жизнью и смертью, а этот хрен в белом костюме устраивает файф-о-клок посреди перестрелки в Нижнем Секторе. Я попытался рассмеяться, но мои легкие больше не качали воздух. Смех превратился в чистую вибрацию, волной разошедшуюся по застывшим каплям дождя. Каждая капля вспыхнула изнутри крошечным спектральным взрывом.

— Освободившись от будущего, ты пребываешь здесь-и-сейчас и осознаешь, что находишься на краю Беспредельного.

Он был прав. Будущего больше не существовало. Мне не нужно было думать о том, как вернуться от пули. Мне не нужно было вспоминать, что я должен бармену из «Синтетической Нирваны» пятьсот кредитов. Моя бывшая жена, мои грехи, мои контракты — всё это сгорело в топке остановившегося времени.

Я стоял на краю Беспредельного. И это Беспредельное смотрело на меня тысячами глаз.

Сначала мне стало жутко. Моя нервная система пыталась перезагрузиться, выдавая ошибки критического сбоя. Мозг кричал: «Сделай что-нибудь! Беги! Стреляй! Умри, в конце концов, но только не стой в этой звенящей пустоте!». Это была ломка. Ломка по суете. Ломка по привычному дерьму, в котором я барахтался всю жизнь.

Но потом я вспомнил его слова: «Отвергни время безоговорочно».

Я мысленно послал свой страх на хер. И шагнул в Бездну.

Глава 2

Я не сдвинулся с места физически, но мое сознание вырвалось из мясной оболочки.

— Отпускать не значит что-либо делать, — мягко, словно наставляя неразумного ребенка, произнес Собеседник. — Отпускать — значит видеть истинное положение вещей; видеть, не испытывая никаких сомнений по поводу того, что ты видишь.

Я посмотрел на застывшую сцену. Корпоративный боец, нажавший на спуск. Его лицо под визором шлема было искажено гримасой ярости и страха. Раньше я бы увидел в нем врага, кусок мяса, который нужно аннигилировать. Теперь я видел в нем... брата? Нет, это слишком сопливо. Я видел в нем себя. Такую же запутавшуюся программу, слепо исполняющую чужой код в этом грязном мегаполисе. Я не испытывал к нему ни ненависти, ни злобы. Только абсолютное, кристально чистое понимание.

— Это все, что нужно, — шептала Вечность. — Нужно смотреть и смотреть, снова и снова, до тех пор, пока относительно истинной природы твоего сознания остается хотя бы тень двусмысленности.

Я перевел взгляд на свою рану. Кровь, выплеснувшаяся из моего бока, висела в воздухе гирляндой рубиновых сфер. Я всмотрелся в одну из капель. И вдруг она начала расти. Нет, это я начал уменьшаться, проваливаясь в её макрокосм.

Внутри этой капли моей собственной, пропитанной дешевым алкоголем и синтетикой крови, я увидел целую вселенную. Эритроциты вращались, как красные гиганты в спиральных галактиках. Лейкоциты пульсировали светом сверхновых. Неоновый отблеск вывески преломлялся в плазме, создавая северные сияния немыслимой красоты. Это было грандиозно. Это было божественно. Моя грязная кровь была шедевром Творца.

Я медленно, преодолевая густое, как смола, пространство, потянулся левой рукой во внутренний карман плаща. Достал плоскую металлическую фляжку. Открутил крышку. Капля дешевого синтетического виски выплыла наружу и повисла в воздухе. Я подался вперед и слизнул её языком.

Вкус ударил по рецепторам так, словно я пил амброзию из чаши Грааля. Я почувствовал вкус дубовых бочек, которых этот виски никогда не видел, вкус солнца, вкус самой жизни. Я застонал от экстатического восторга.

— Просто допусти самую возможность того, что ты изначально блажен, и позволь происходить тому, что происходит, — голос Собеседника теперь звучал как хор ангелов, поющих под аккомпанемент перегруженных электрогитар.

Я понял. Я всё понял. Я всегда был блажен. Даже когда мне ломали ребра в подвалах якудзы. Даже когда я блевал кровью после паленой синтетики. Даже сейчас, с дырой в животе. Грязь Нижнего Сектора, неон, насилие — всё это было лишь декорациями, игрой света и тени на экране моего сознания.

Я — Будда киберпанка. Просветленный с хромированной рукой.

— Ты осознаешь, что блаженство — во всем! — гремела Вечность. — Сила блаженства такова, что оно потрясет тебя.

Меня трясло. Мое сознание расширялось, охватывая весь переулок, весь город, всю планету. Я чувствовал, как бьются сердца миллиардов людей, как текут данные по оптоволоконным кабелям, как рождаются и умирают звезды. Я был всем, и я был ничем. Эйфория была настолько мощной, что мой человеческий разум начал плавиться. Это было невыносимо прекрасно. Это был оргазм души, умноженный на бесконечность.

— Возможно, ты почувствуешь, что не можешь его вынести, — произнес человек в белом костюме, допивая свой чай и аккуратно ставя пиалу на мусорный бак. Он посмотрел мне прямо в глаза, и его черные зрачки поглотили остатки моего эго. — Это и есть Откровение.

Свет стал абсолютно невыносимым. Неоновая вывеска взорвалась белым пламенем, стирая переулок, корпоратов, пулю и мое израненное тело. Я растворился в Абсолюте. Я стал Светом. Я стал Вечностью.

Глава 3

Я был Светом. Я был всем. Я парил в бесконечном, теплом океане абсолютной любви и вселенского покоя. Ни боли, ни страха, ни Нижнего Сектора. Я познал замысел Творца, я стал единым целым с каждой молекулой мироздания. Я был готов раствориться в этой божественной нирване навсегда.

И тут Вечность издала звук.

Это не был глас Божий. Это не был звук поющих тибетских чаш или шелест крыльев серафимов.

Это был короткий, мерзкий, электронный писк. Точно такой же звук издает дешевая микроволновка, когда в ней разогрелась вчерашняя лапша. Или всплывающее окно с рекламой шлюх на пиратском порносайте.

Белый, ослепительный свет Абсолюта внезапно мигнул, пошел рябью, как зажеванная видеокассета, и с громким щелчком схлопнулся.

Я рухнул. Не на грязный асфальт переулка, а на идеально гладкий, стерильно-белый пол бесконечной комнаты, освещенной бестеневыми люминесцентными лампами.

Экстаз исчез, словно мне вкололи ведро галоперидола. Вместо вселенской любви я почувствовал сосущую, ледяную пустоту и легкую тошноту. Я попытался встать, но понял, что у меня нет тела. Я был просто точкой восприятия в этом белом кубе.

Передо мной, в воздухе, висело гигантское, полупрозрачное окно интерфейса с надписью:

«ПРОТОКОЛ „НИРВАНА-ОС“ УСПЕШНО ЗАВЕРШЕН. СИНХРОНИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ: 100%.»

Сбоку послышалось деликатное покашливание.

Я повернул свою несуществующую голову. Человек в белом костюме-тройке стоял рядом. В его руках больше не было фарфоровой пиалы с жасминовым чаем. Вместо неё он держал планшет из черного пластика, по экрану которого бежали зеленые строчки кода. Лицо его утратило пугающую безмятежность дзен-мастера и теперь выражало лишь скуку клерка, работающего в третью смену.

— Ну вот и всё, — буднично сказал он, делая пометку в планшете. — Откровение прошло штатно. Без потери пакетов данных. Мои поздравления, клиент 84-В.

— Какого... хера... — мой голос прозвучал как синтезированный аудиофайл низкого качества. — Где Абсолют? Где Вечность? Я же... я же отверг время! Я отпустил страхи!

Человек в белом костюме тяжело вздохнул и потер переносицу.

— Ты отверг пользовательское соглашение, идиот, которое даже не читал, когда ставил себе в башку этот дешевый китайский нейроимплант, — цинично хмыкнул он. — Какая, к черту, Вечность? Какое просветление? Ты правда думал, что грязный наемник с дырой в печени может стать Буддой, просто попялившись на каплю виски?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.